

Деревянная палка застыла в воздухе примерно в десяти сантиметрах от лба Шэнь Ло, дрожа от напряжения.

Шэнь Ло медленно поднял изящный указательный палец своей безупречной руки и уперся им в эту дерзкую палку, его прекрасное, словно высеченное из мрамора лицо моментально покрылось ледяной маской презрения.

Он едва заметно махнул рукой — и палка с треском разлетелась на сотни мелких щепок, разбросанных по комнате. В тот же миг молодой человек, державший ее, с оглушительным «бах!» отлетел назад, всем телом врезавшись в дорогую картину в золоченой раме и превратив ее в груды бесполезных обломков.

Молодой человек закатился в истеричных столах:

— Ай-яй-яй! Ой-ой-ой! Мамочки! — и начал беспомощно извиваться на паркетном полу, как рыба, выброшенная на берег, совершенно неспособный подняться на ноги.

Инь Люмин едва сдержал глубокий, усталый вздох и степенно подошел, чтобы помочь незнакомцу подняться, вежливо спросив:

— Ты не поранился?

— Н-не совсем... Ой-ой-ой — кажется, я повредил позвоночник... Ой, как же невыносимо больно... Я, наверное, умру...

Инь Люмин аккуратно помог ему добраться до ближайшего красного бархатного дивана в стиле Людовика XIV и усадил на его мягкую поверхность, предварительно деликатно прокашлявшись, прежде чем дать объяснение:

— Он не представляет для вас опасности. Это мой... — Он на мгновение задумался, подбирая наиболее точное определение для Шэнь Ло, затем закончил фразу: — ...призванный спутник.

Молодой человек, все еще судорожно потиравший свою многострадальную спину, вдруг округлил и без того большие глаза до размера блюдец, его лицо исказилось от неподдельного шока:

— Призванный спутник?!

Шэнь Ло резко, почти механически повернул голову и уставился на Инь Люмина взглядом, способным заморозить лаву.

Инь Люмин сохранял невозмутимое, почти скучающее выражение лица, демонстративно

игнорируя этот убийственный взгляд, и продолжил объяснение:

— Я только недавно завершил ритуал призыва, поэтому контроль над ним пока не достиг совершенства.

Молодой человек уставился на Инь Люмина в полном, абсолютном оцепенении в течение долгих пяти секунд, затем внезапно, с грацией тюленя, вскочил на ноги.

Прежде чем Инь Люмин успел понять его намерения, молодой человек с громким стуком, от которого задрожали хрустальные люстры, опустился на колени, восклицая:

— Учитель! Этот недостойный ученик умоляет научить его великому искусству призыва!

Инь Люмин: «...»

Шэнь Ло: «...»

Не дав Инь Люмину опомниться и открыть рот, молодой человек уже начал стремительно выпаливать:

— Учитель, этого ничтожного ученика зовут Ми Аньпэй, мне двадцать шесть полных лет, рост сто семьдесят пять с половиной сантиметров, вес шестьдесят восемь килограммов и четыреста граммов, размер обуви сорок два с половиной, в настоящее время не связан узами брака, предпочитаю женщин с длинными...

— Достаточно. — Инь Люмин сделал глубокий, размеренный вдох, решительно прерывая этот словесный поток. — Это искусство призыва я получил в качестве награды за выполнение побочного квеста в предыдущем кошмарном сценарии. Оно не подлежит передаче третьим лицам.

Выражение лица Ми Аньпэя мгновенно изменилось, превратившись в маску глубочайшего разочарования. Он снова схватился за спину и с грохотом плюхнулся на диван, начав громко, почти театрально стонать:

— Ай-яй-яй! Как же нестерпимо больно! Ой, моя бедная, многострадальная спина! Ой-ой-ой! Я, наверное, останусь калекой!

Инь Люмин бросил многозначительный косой взгляд в сторону Шэнь Ло, полный немого укора.

Шэнь Ло лишь презрительно фыркнул — звук, полный холодного высокомерия — затем его тело рассыпалось на миллионы светящихся частиц, которые плавно устремились обратно в книгу иллюстрированных кошмаров, оставив после себя лишь легкое свечение.

Инь Люмин внимательно, с профессиональной тщательностью осмотрел «тяжелую травму» Ми Аньпэя:

— Похоже на легкое растяжение поясничных мышц. Одной ночи полноценного отдыха должно быть достаточно для полного восстановления. Если болевые ощущения не исчезнут к утру, я могу поинтересоваться у мадам Солари о наличии обезболивающих средств в усадебной аптечке.

— А, нет, не надо... Кто знает, человек ли эта так называемая 'мадам' на самом деле? — Ми Аньпэй небрежно махнул рукой, затем неловко опустил ее, внезапно осознав возможную бестактность своих слов. — Кхм. В любом случае, давай познакомимся как подобает джентльменам.

Инь Люмин позволил себе легкую, едва заметную улыбку:

— Инь Люмин.

Ми Аньпэй с неподдельным энтузиазмом стукнул себя в грудь с такой силой, что закашлялся:

— Брат Инь! Можешь быть абсолютно спокоен — я сохраню твой секрет призыва надежнее, чем сейф в швейцарском банке! Клянусь своей честью и всеми деньгами на моей кредитке!

—...Благодарю за понимание.

В этот момент за тяжелой дубовой дверью раздался чопорный, механически вежливый голос:

— Мадам соблаговолила пригласить всех уважаемых гостей к вечерней трапезе. Господин присутствует?

— Здесь.

Инь Люмин плавно поднялся с дивана, чтобы ответить, одновременно ловким движением подбирая валявшуюся на полу детскую пижаму с ушастым кроликом и с непринужденной грацией пряча ее под мышку своего безупречного костюма.

В распахнутых дверях стояла суровая, как тюремная надзирательница, служанка лет пятидесяти, облаченная в унылое серо-синее платье викторианской эпохи, которое выглядело особенно зловеще в тусклом, мерцающем свете коридорных канделябров. Ее свинцовые, абсолютно безжизненные глаза медленно, как у рептилии, уставились на Инь Люмина, когда она монотонно, почти механически произнесла:

— Мадам соблаговолила пригласить всех уважаемых гостей к вечерней трапезе.

Инь Люмин вежливо, с достоинством кивнул:

— Принято к сведению. Позвольте мне лишь привести себя в надлежащий вид.

Улыбка служанки была настолько же механической, как у заводной куклы, а ее стеклянные глаза оставались жутко бесстрастными, словно у мертвеца:

— Прошу поторопиться, господин. Мне надлежит уведомить и прочих гостей... Мадам крайне неодобрительно относится к любым проявлениям непунктуальности.

Вся эта сцена была пропитана такой плотной, почти осязаемой атмосферой тревожной неестественности, что обычный человек непременно бы занервничал.

Инь Люмин сохранял ледяное, непроницаемое спокойствие, с достоинством отворачиваясь:

— Избавьте себя от лишних хлопот. Соседний гость уже здесь.

Ми Аньпэй высунул голову из-за двери, затем мгновенно отпрянул, увидев служанку, и прошептал с преувеличенным ужасом:

— Святая мать божья! Горничная-зомби! Брат Инь, это еще один твой призванный... э-э... компаньон?

— Нет.

— Слава всем богам! Эстетический контраст был бы просто кошунственным! Эм... Брат Инь, извини за беспокойство, но мою дорогую рубашку порвали. Нет ли у тебя чего-нибудь запасного?

— Нет.

— Черт возьми. Если бы некий кто-то не швырнул меня в стену, как тряпичную куклу, мой любимый наряд все еще был бы цел и невредим...

Служанка: «...»

Что за непристойное, недостойное поведение? С каких это пор в уважаемой усадьбе терпят такое откровенное распутство?

Ужин проходил в столовой поместья. В камине пылал яркий огонь, на длинном деревянном столе были расставлены красное вино, жареная говяжья вырезка, сливочный суп, салат с мёдом и яблоками и другие блюда, а в центре возвышался огромный запечённый молочный поросёнок.

Прошло всего полчаса, а мадам Солари уже сменила наряд на бледно-лиловое платье, распустила волосы и украсила себя драгоценностями на лбу, шее, запястьях и пальцах. Она с материнской нежностью оглядела игроков и сказала с улыбкой:

— Дети мои, вы, должно быть, проголодались. Скорее приступайте к ужину.

Игроки переглянулись.

Честно говоря, они действительно были голодны, но сейчас они находились не в обычном ресторане, а в загадочном поместье во сне — кто знает, какие сюрпризы могут таиться в этих блюдах?

Управляющий, увидев, что никто из игроков не притронулся к еде, выразил недовольство:

— Мадам, эти молодые люди совершенно невоспитанны! Таким не место в нашем поместье!

Мадам Солари поиграла великолепным изумрудным кольцом на мизинце правой руки, её прекрасные брови слегка дрогнули, и она мягко посмотрела на игроков:

— Я уверена, дети просто нервничают в новой обстановке. Нужно дать им время, Ральф.

Теперь отказываться было нельзя.

Намёк был очевиден — если они не станут есть, их выгонят из поместья.

Инь Люмин спокойно протянул руку, но едва его пальцы коснулись столовых приборов, как в ухе раздался голос Шэнь Ло:

— Подожди.

Его движение едва заметно замедлилось.

Через несколько секунд Шэнь Ло снова заговорил:

— С едой всё в порядке. Можешь есть.

Инь Люмин неожиданно приподнял брови — неужели у Шэнь Ло есть и такая способность?

Он неторопливо пережёвывал пищу, в то же время незаметно приоткрыв рот, чтобы беззвучно произнести:

— Неожиданно.

Голос Шэнь Ло раздался прямо у его уха:

— А кто же я, как не твой верный призванный дух?

Произнося слова «призванный дух», Шэнь Ло вложил в них многозначительную интонацию.

Жевательные движения Инь Люмина на мгновение замедлились.

Его внезапно осенила тревожная мысль — а что если Шэнь Ло на самом деле заметил что-то неладное с едой, но намеренно говорит обратное, чтобы подставить его?

Увидев, что кто-то уже начал есть, остальные игроки тоже постепенно взялись за столовые приборы.

Лишь тогда мадам Солари с видимым удовлетворением отложила своё кольцо в сторону и с изысканными манерами принялась разрезать сочную говяжью вырезку.

Когда трапеза подошла к концу, мадам Солари аккуратно положила нож и вилку на край тарелки и промокнула уголки губ изысканной льняной салфеткой.

Дворецкий, словно угадав её желание, тут же почтительно подал хрустальный бокал с тёмно-рубиновым напитком. Мадам Солари изящно отхлебнула, и её тонкие губы моментально окрасились в зловеще-яркий алый оттенок.

Никто из присутствующих не осмелился даже задуматься о том, что именно содержалось в этом бокале.

Она обратилась к собравшимся с мягкой, но властной интонацией:

— Основная причина, по которой я пригласила вас всех сегодня отужинать вместе — это необходимость ознакомить вас с правилами моего поместья.

Игроки моментально выпрямились, всем видом демонстрируя напряжённое внимание.

Мадам Солари рассмеялась, словно развеивая их тревогу:

— Не стоит принимать такой серьёзный вид — это всего лишь несколько разумных ограничений. Поскольку день со светом становится всё короче, мы вынуждены зажигать лампы сразу с наступлением сумерек. Чтобы избежать нехватки масла, после десяти часов вечера во всём городке полностью отключают освещение — я настоятельно прошу вас не покидать свои комнаты после этого времени. Позади нашего поселения начинаются густые леса, где по ночам бродят опасные хищники, и если с кем-то случится беда, я не смогу оказать помощь.

— Во-вторых, — она сделала паузу, постучав идеально ухоженным ногтем по поверхности стола, — прошу вас не подниматься на второй этаж — там расположены мои личные покои, и я крайне негативно отношусь к незванным гостям в моих апартаментах.

— В-третьих, — мадам Солари подняла бокал в изящном жесте, прежде чем добавить с лёгким смешком, — я настаиваю на соблюдении безупречной чистоты.

Она прикрыла рот кружевным платочком, словно делясь забавной шуткой.

— Я страдаю довольно серьёзной мизофобией, понимаете ли, и не выношу малейших признаков грязи в своём доме.

Наконец, поставив бокал на стол, мадам Солари заключила с величественной улыбкой:

— Я прекрасно понимаю, что вам необходимо общаться между собой, поэтому отныне эта столовая будет вашим общим пространством. Можете оставаться здесь после ужина сколько угодно — вам никто не помешает.

Инь Люмин едва заметно кивнул, мгновенно поняв замысел.

Значит, столовая служила обязательной локацией для ежедневного обмена информацией между игроками — стандартный игровой механизм в подобных сценариях.

Закончив свои разъяснения, мадам Солари грациозно поднялась из-за стола и удалилась в сопровождении свиты слуг, оставив игроков наедине друг с другом.

Чи Си направился к Инь Люмину, но едва открыл рот, как Ми Аньпэй ловко втиснулся между ними, хлопнув Инь Люмина по плечу с фамильярной бесцеремонностью:

— Братец Инь!

Чи Си: «?»

Он настороженно окинул незнакомца оценивающим взглядом:

— Братец Инь, а это кто?

— Я всего лишь скромный сосед братца Иня, — Ми Аньпэй с развязной ухмылкой протянул руку для рукопожатия. — Ми Аньпэй к вашим услугам! Давай знакомиться?

Чи Си несколько раз перевёл взгляд между Инь Люмином и этим навязчивым незнакомцем, прежде чем неохотно пожать протянутую ладонь:

— Чи Си.

Видя обиженно-подозрительный взгляд Чи Си, Инь Люмин неожиданно почувствовал себя неловко, словно неверный муж, представляющий своей законной жене внезапно объявившуюся любовницу.

— Братец Инь, ты уже что-то заметил? — спросил Чи Си шёпотом.

Инь Люмин не мог сдержать лёгкой усмешки:

— Мы буквально только начали — что я мог успеть заметить?

Он же не всеведущий бог этой игры кошмаров, в конце концов.

Ми Аньпэй выбрал этот момент, чтобы вновь влезть в разговор, многозначительно подмигнув:

— А я кое-что раскусил — сегодня ночью точно произойдёт что-то интересное.

Чи Си удивлённо уставился на него:

— С чего ты это взял?

— Разве ты не слышал, что мадам сказала про комендантский час после десяти? — Ми Аньпэй с шумом хлопнул в ладоши. — Но вот незадача — в наших комнатах нет туалетов! Значит, когда ночью приспичит, придётся нарушать запрет и выходить!

Чи Си: «.....»

Ми Аньпэй самодовольно добавил, широко ухмыляясь:

— Зато моя комната выходит прямо в сад — можно просто пописать из окна! Гениальное решение, не находишь?

Инь Люмин: «.....»

Как ни парадоксально, грубое предсказание Ми Аньпэя оказалось пророческим.

На следующее утро один из игроков бесследно исчез.

Под едва уловимые звуки скрипичной сонаты, доносившиеся из глубины поместья, Инь Люмин закончил свой завтрак в одиночестве.

Еду, как и прежде, доставила одна из тех странно скованных служанок средних лет, но Шэнь Ло, проверив содержимое подноса, подтвердил его безопасность.

Отложив в сторону салфетку, Инь Люмин обратился к служанке, застывшей у двери:

— Не скажете, кто исполняет эту музыку?

Служанка отвечала, опустив глаза:

— Мадам имеет привычку играть на скрипке каждое утро после пробуждения, молодой господин.

Инь Люмин заинтересованно приподнял бровь, но не успел задать следующий вопрос, как служанка уже поспешно ретировалась с сервировочной тележкой, двигаясь с такой скоростью, будто боялась, что он станет допытываться дальше.

Выйдя в коридор, Инь Люмин заметил группу игроков, столпившихся у двери комнаты под номером двенадцать. Среди них раздавались взволнованные голоса, а кто-то явно громко возмущался.

Подойдя ближе, он быстро выяснил, что игрок, проживавший в этой комнате, бесследно исчез за ночь.

— Вчера вечером, прежде чем разойтись по комнатам, он специально предупредил меня ни в коем случае не выходить ночью, — девушка-игрок говорила прерывисто, её обычно румяное

лицо теперь было мертвенно-бледным. — Кто-нибудь видел его сегодня утром?

Игроки переглянулись и в унисон покачали головами.

Девушка, явно состоявшая с пропавшим в близких отношениях, вдруг выбежала в коридор и яростно схватила за руку служанку, проходившую с завтраком:

— Где Цзя Хэ? Что вы с ним сделали?

— Успокойтесь, почтенная гостья, пожалуйста...

— Отвечайте немедленно! Куда вы его дели!

Наблюдая за истерикой девушки со стороны, Ми Аньпэй цокая языком, философски заметил:

— Эх, ещё одна тепличная неженка, которую слишком оберегали от суровой реальности.

Чи Си, не понявший намёка, переспросил:

— Тепличная неженка?

Ми Аньпэй окинул его оценивающим взглядом с ног до головы и вдруг самодовольно усмехнулся:

— Малыш Чи, судя по всему, ты совсем недавно попал в игру, да?

Уловив насмешливый подтекст в его тоне, Чи Си вспыхнул от возмущения:

— Не твоё дело!

— Эй, не злись, я имею в виду, что ты слишком прозрачный. — Ми Аньпэй почесал голову. — В Кошмарной Игре можно объединяться в команды для прохождения уровней, поэтому новички могут примкнуть к опытным игрокам и прокатиться у них на хвосте — хотя награда за прохождение достанется только одному, бонусы за завершение уровня всё равно лучше, чем ничего. Будь то любовь или материальная выгода, кто откажется от шанса и выжить, и исполнить желание?

Он кивнул в сторону девушки:

— Конечно, обратная сторона в том, что канарейка, выращенная в клетке, не умеет летать на

свободе.

Чи Си замер.

Многие игроки, подобно Ми Аньпэю, смотрели на девушку с сочувствием, молча понимая, что пропавший игрок, скорее всего, уже мёртв. Судя по переполнявшему девушку горю, исчезнувший был ей кем-то очень дорогим — родственником или возлюбленным.

Естественно, некоторые смотрели на неё с пренебрежением, а несколько человек даже разглядывали её юное миловидное лицо с недобрыми намерениями — такая внезапно оставшаяся без защиты девушка была лёгкой добычей.

Несколько игроков уже вошли в комнату в поисках подсказок. Даже если не ради других, они хотели понять, что именно спровоцировало смертельный флаг.

Инь Люмин стоял в дверном проёме, проверяя движение двери.

Хотя поместье выглядело новым, дверные петли подгнили и скрипели пронзительно при открывании.

Инь Люмин задумчиво потер подбородок.

Его сон всегда был чутким, малейший шум мог разбудить. После отбоя в десять вечера слуги возили по коридору тележки для уборки, и их грохот чуть не заставил его выйти и устроить разборки.

Но звуков открывающихся дверей он не слышал.

Инь Люмин вошёл внутрь для осмотра.

Комната была обставлена практически идентично его собственной. Одежда пропавшего висела у изголовья кровати, постель была смята, но никаких следов борьбы не наблюдалось — словно человека унесла какая-то незримая сила в одно мгновение.

Другие игроки проверили окна, но ничего не нашли.

Чи Си приблизился к Инь Люмину и тихо сказал:

— Брат Инь, я чувствую странный запах... рыбный.

Зная о чутком обонянии Чи Си, Инь Люмин спросил:

— Где именно?

— Едва уловимый, вероятно у двери. — Чи Си неуверенно добавил: — Пахнет как протухшая рыба... отвратительно.

Инь Люмин ещё раз осмотрел дверной проём, затем сосредоточился на самой двери. Он наклонился и вдохнул — да, тот самый слабый, но отчётливый смрад. Без подсказки Чи Си его бы никто не заметил.

Инь Люмин кивнул с пониманием.

К сожалению, кроме зловония от двери, других ценных зацепок они не обнаружили.

Девушка-игрок в итоге молча приняла эту мрачную реальность. Однако она отвергла всех мужчин, пытавшихся к ней подойти в этот уязвимый момент, и одна вернулась в свою комнату.

Поскольку текущее основное задание требовало лишь продержаться три дня, больше от них пока ничего не требовалось.

Но оставаться в этом жутком поместье значило рисковать, поэтому большинство игроков отправились в городок, чтобы разузнать предысторию этого кошмара и вычислить Сновидца.

Инь Люмин и Чи Си тоже вышли вместе.

Чи Си нахмурился на незваного попутчика:

— Ты чего к нам пристал?

— Я чувствую, что между нами есть связь. — Ми Аньпэй отвечал без тени смущения. — Больше никто со мной не разговаривает, мне одиноко.

Инь Люмин действительно видел, как Ми Аньпэй заговаривал с каждым игроком, сыпля словами как из мешка — в ответ получая лишь настороженные взгляды и вежливые отшивы.

Кроме него.

— Брат Инь тут мне спину повредил и одежду испортил, так что по-любому должен составить компанию.

Чи Си шокированно уставился на Инь Люмина.

Инь Люмин потер виски:

— Случайно столкнулись — и да, я натурал.

Чи Си облегчённо вздохнул:

— Ну и хорошо...

Ми Аньпэй, вспомнив вчерашнюю сцену, многозначительно подмигнул Инь Люмину.

Инь Люмин предпочёл его игнорировать, обратив внимание на местных жителей.

Этот так называемый «городок» больше напоминал рыбацкую деревушку, зажатую между горами с трёх сторон и морем с четвёртой. Дома были в основном деревянные, с облупившейся краской, многие двери украшали резные деревянные фигурки рыб с загнутыми хвостами.

Улицы были практически пусты, что создавало гнетущую атмосферу.

Редкие местные жители, заметив игроков, тут же захлопывали ставни.

Ми Аньпэй заметил:

— Похоже, они нас боятся.

Чи Си пробормотал:

— И как мы будем что-то выяснять в таких условиях?

Инь Люмин сказал:

— Кто-то не боится.

— Кто именно?

Инь Люмин обогнул старый деревянный дом и указал вперёд:

— Вон тот.

Ми Аньпэй посмотрел:

— А, мужик с фонарём!

Фонарщик облокотился на стойку с рыболовными сетями, неспешно потягивая крепкий алкоголь. Увидев троицу, он хрипло поздоровался:

— А, живёте ещё.

Ми Аньпэй притворно удивился:

— Дедуля, ты же знал, что в поместье опасно? Почему не предупредил?

На лице фонарщика мелькнул страх, и он немного протрезвел:

— Дела госпожи... нам не положено вмешиваться.

Инь Люмин спросил напрямую:

— Кто такая госпожа Солари?

— Госпожа Солари... — Фонарщик поморщился, помолчал и вздохнул: — Ну и молодёжь пошла... ладно, расскажу.

— Солари — это местная знать, из поколения в поколение управляющая городком. Нынешняя госпожа — младшая дочь предыдущего барона Солари. В детстве её выдали замуж за границу, а несколько лет назад она вернулась, овдовев — говорят, от горя. Вернулась унаследовать титул. Поместье Солари отремонтировали как раз перед её возвращением.

Ми Аньпэй пробормотал:

— Звучит вполне нормально.

Фонарщик махнул рукой:

— С тех пор как госпожа поселилась в поместье, слуги начали пропадать — причём бесследно. У нас в городке испокон веков считалось, что смерть — не конец: если отправить тело в море на лодке, человек возродится силой Рыбьего Бога... а слуги из поместья исчезают полностью.

Ми Аньпэй заинтересовался:

— Морские похороны? Можно подробнее?

— Да заткнись ты! — Чи Си наконец отпихнул Ми Аньпэя: — Дедушка, расскажите ещё про госпожу?

— Ну, госпожа... — Фонарщик сделал глоток, и его дыхание пахло перегаром. — А сколько, по-вашему, ей лет?

Чи Си неуверенно предположил:

— Двадцать? Тридцать?

Фонарщик усмехнулся:

— Маловато.

— Тридцать? Сорок?

Он перестал морочить голову и ткнул в себя пальцем:

— Когда госпожу выдавали замуж, я ещё был ребёнком.

Чи Си ахнул.

Глубокие морщины и редкие волосы фонарщика выдавали в нём человека лет шестидесяти. Если госпожа Солари вышла замуж, когда он был ребёнком... значит, сейчас ей должно быть за семьдесят!

Но кроме белых волос, её кожа выглядела юной!

— В народе шепчутся, что госпожа практикует тёмные искусства, используя человеческую кровь для вечной молодости. — Фонарщик вздохнул и снова выпил. — И с её возвращением солнце над городком Солари начало меняться — дни становятся короче, солнце дальше... Госпожа каждый восход играет музыку, может, это дьявольские напевы...

Наконец затронув основную тему, Инь Люмин спросил:

— Вы не думали уехать из городка?

— Многие молодые сбежали. — На лице фонарщика появилась странная улыбка. — Но кто

знает — может, они сбежали, а может, умерли? Никто не вернулся и не написал—

Он посмотрел на троицу, и в его мутных глазах блеснула жалость.

— Возвращаются только такие, как вы — называющие себя потомками местных.

<http://bllate.org/book/13213/1177673>